

Дружинина Е.С. ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В КРЫМУ

Вячеслав Иванов, поэт-символист, писатель, критик, переводчик, философ, стал олицетворением творческого универсализма эпохи серебряного века. Его увлечения в молодые годы приобрели статус живой легенды. «Филолог» (Вл. Соловьев), «Вячеслав Великолепный» (Л. Шестов), «виртуоз в овладении душами» (Н. Бердяев), «царь самодержавный» (А. Блок), «поэт-иерофант, ведающий тайны» (М. Волошин) – эти характеристики говорят о том, что Иванов для людей его времени был выразителем некоей сущности своей эпохи. Окончательную репутацию «Таврического мудреца» Вячеслав Иванов завоевал в конце 1905 года, когда в его петербургской квартире («башне») по средам стал собираться весь цвет русской культуры того времени.

О его пребывании в Крыму до настоящего времени не было опубликованных работ. Наиболее подробно оно упоминается в очерке С.Г. Емец в книге «Судак» под редакцией С.Б. Филимонова. В то же время недавно изданные в Москве дневники и переписка Евгении Казимировны Герцык дают возможность проследить некоторые обстоятельства этого пребывания. Оно было вызвано, в первую очередь, знакомством Вячеслава Иванова и Евгении Герцык, сестрой известной поэтессы Аделаиды Герцык, которая и сама была талантливым литератором и переводчиком. С В. Ивановым сестёр Герцык познакомил известный издатель Д.Е. Жуковский, впоследствии – муж Аделаиды Герцык, и произошло это на квартире поэта – его знаменитой «башне».

Существует рассказ о том, как Вячеслав Иванов с женой нашли эту квартиру. Он записан в обширном Введении к первому тому Собрания сочинений Вячеслава Иванова (так называемого брюссельского издания). Введение написала Ольга Шор, близкий друг поэта. Она рассказывала, что во время поисков квартиры в Петербурге Лидии Дмитриевне, жене В. Иванова, приснился сон, в котором она увидела пустую комнату с окнами, выходящими в парк. На следующее утро, прогуливаясь по Таврической улице вдоль Таврического сада, Лидия Дмитриевна заметила вывеску на доме под номером 25: сдавалась квартира. Она вошла в эту квартиру и увидела комнату, которая ей приснилась, с таким же видом на парк. Это и была квартира на «башне», «башней» же этот дом называли потому, что его верхний этаж слегка напоминал башню.

На «башне» побывали поэты Александр Блок, Максимилиан Волошин, Андрей Белый, Федор Сологуб, Михаил Кузмин, Иннокентий Анненский, Николай Гумилёв, Иосиф Манделштам, Зинаида Гиппиус, Анна Ахматова, философы Василий Розанов, Николай Бердяев, художники Константин Сомов, Мстислав Добужинский, актриса Вера Комиссаржевская, режиссер Всеволод Мейерхольд и многие другие. ««Башня» не была литературным салоном в парижском смысле этого слова, с церемониалом и этикетом. Это было место, куда приходили, чтобы обменяться мнениями на важнейшие темы, которые волновали людей, придерживавшихся определенного образа мыслей», – говорил о «башне» сын поэта Дмитрий Иванов¹, сын Вячеслава Иванова. Атмосфера вечеров поэзии и сократических диалогов была поэту творчески необходима. На этих вечерах В. Иванов никогда не вел споров, всегда пытался прийти к общим решениям. Он умел говорить на любую, в том числе профессиональную, тему, умел слушать, мастерски задавать наводящие вопросы.

Гостям «башни» могло запомниться разное з² алый хитон хозяйки салона Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал, которую поэт называл Диотимой³; экспериментальный спектакль, затеянный Всеволодом Мейерхольдом и Сергеем Судейкиным; спиритический сеанс или что-то в этом роде («башню» окружало много слухов). Главным же событием вечеров была личность самого Вячеслава Иванова, но душой этих вечеров была его жена, «создавала атмосферу даровитой женственности»⁴. «Лидия Зиновьева-Аннибал была совсем иной натурой, чем Вячеслав Иванов, более дионисической, бурной, порывистой, революционной по темпераменту, стихийной, вечно толкающей вперед и ввысь. Такая женская стихия в соединении с утонченным академизмом Вячеслава Иванова, слишком многое принимающего и совмещающего в себе, с трудом уловимого в своей единой и последней вере, образовывала талантливую, поэтически претворенную атмосферу общения, никого и ничего из себя не извергавшую и не отталкивавшую», – писал Н. Бердяев. Любовь к этой женщине продолжится даже после её смерти. Вся жизнь он будет хранить образ этой женщины, она вдохновит многие лучшие из написанных им стихотворений. Сам же Иванов спустя 27 лет в «Автобиографическом письме» назвал встречу с Лидией Дмитриевной в Риме «новой, всецело захватившей меня любовью, которой суждено было с тех пор, в течение всей моей жизни, только расти и духовно углубляться, но которая в те первые дни казалась как мне самому, так и той, которую я полюбил, лишь преступною, темною, демоническою страстью. <...> Друг через друга нашли мы – каждый себя...»

В своих «Воспоминаниях» Евгения Герцык писала: «Лишь сейчас нащупываю, в чем было отличие Ивановых от всех людей нового искусства, которых я знала и которых не знала: все они (включая и до кон-

ца искренних, как Блок или Анненский), – все они, большие ли, мелкие ли, пронзены болью, с трещинкой

¹ Помимо «сред» на «башне» со 2 мая 1906 года проводились костюмированные собрания для более узкого круга «друзей Гафиза», «гафизитов», участники которых получали новые имена, взятые из литературы и мифологии (например, Михаил Кузмин был Антиной, Сергей Ауслендер – Ганимедом, Вальтер Нувель – Петронием и так далее).

² Дм. Иванов побывал на «башне» только после революции.

³ В «Пире» Платона Диотима – жрица из Мантинии, которая должна была искупить грехи афинян во время чумы 429 года до н. э. Сократ заимствовал у Диотимы толкование любви как стремления к прекрасному (философии).

⁴ Предки Л. Д. Зиновьевой-Аннибал по отцу – сербские князья Зиновичи, по матери ее родовое древо восходит к «арапу Петра Великого», Абраму Петровичу Ганнибалу. Когда Лидия Дмитриевна стала писательницей, она присоединила к своей фамилии вторую часть – Аннибал – в качестве псевдонима, так как по линии матери она прямой потомок семьи поэта Александра Пушкина. Поэт состоял в родстве по боковой линии с молодым эфиопским принцем по имени Аннибал, который воспитывался при дворе Петра Великого.

через всё существо, с чертой трагизма и пресыщенности. А эти двое – Вячеслав Иванов и Зиновьева-Аннибал – счастливы своей внутренней полнотой, как не бывают счастливы русские люди, как не бывали тогда, с придушенными декабрьскими днями позади. Не первого десятилетия двадцатого века – пришельцами большого, героического казались они, современниками Бетховена, что ли. Я не хочу сказать, что им чужда была та рафинированность, которая связывала их с модернистским движением, нет, конечно. Но не этим определялся их духовный облик, не это в них доминировало. По крайней мере, в тот час большой творческой полноты, когда я узнала их».

Летом 1907 года Вячеслав и Лидия прибыли в имение родственницы, близкой подруги Лидии, преданного друга семьи и домоправительницы Марии Михайловны Замятиной. Но в соседней деревне началась эпидемия скарлатины. Будучи человеком по существу очень добрым и готовым прийти на помощь, Лидия Дмитриевна отправилась в деревню помогать крестьянкам лечить детей, хотя в детстве и не болела этой болезнью. Через несколько дней она заболела и скончалась. Это был тяжёлый удар для её мужа. Иванов много рассказывал своему сыну, Дмитрию, про смерть Лидии. «За несколько мгновений до смерти, после ухода священника, соборовавшего её, она посмотрела на мужа и тихо, но ясно промолвила: «Светом светлым повеяло, родился Христос». Отец рассказывал, что после причащения на губах у Лидии осталась капелька вина. Тогда Вячеслав приложился губами к её губам и выпил эту каплю причастия. Это были трагические минуты, самые трагические за всю его жизнь», – читаем мы в воспоминаниях Дмитрия Вячеславовича Иванова.

На похороны приехала Евгения Герцык. Иванов, «насильно зазвав её к себе», читал дневник покойной, пересказывал последние её слова, позже внесенные им в канцоны, посвященные женщине, которую он любил больше всех на свете. Герцык замечает, что большое влияние на него в это время имела Анна Рудольфовна Минцлова. «Теософка, мистик, изнутри сотрясаемая хаосом душевных сил, она невесть откуда появлялась там, где назревала трагедия, грозила катастрофа. Летучей мышью бесшумно шагнёт в дом, в ум, в сердце – и останется», – писала о ней Е. Герцык в своих «Воспоминаниях».

После смерти Лидии Зиновьевой-Аннибал изменилась жизнь не только Иванова, но и жизнь на «башне». «Среды» на «башне» ещё некоторое время продолжались, но имели более «эстетический и философский» характер. Параллельно там происходили «собрания Религиозно-философского общества, в которых участвуют мыслители, философы, богословы»⁵. Но без «Диотимы» все эти собрания постепенно сошли на нет. Горечь утраты скрашивало то, что внутренняя связь Иванова с его покойной женой не прекращалась. Он постоянно ходит к ней на могилу, общается с ней во время спиритических сеансов, которые проводила А. Р. Минцлова. Он не только видит её во сне, но и записывает всё, что она ему диктует. Дмитрий Иванов рассказывал, что в рукописях его отца почерк, «обычно четкий и ясный, временами меняется. Это похоже на автоматическое письмо. Появляются полные мистического значения фразы на средневековой латыни, которая была ему хорошо знакома. Лидия Дмитриевна каким-то образом его направляет». Он сравнивает эти сны со снами Данте, которого переводил и любил его отец.

Именно в этот самый тяжёлый и кризисный период своей жизни В.И. Иванов совершил своё путешествие в Крым, куда приезжает вместе с дочерьми (Верой и Лидией)⁶, А. Р. Минцловой и М. М. Замятиной по настойчивым приглашениям Евгении Герцык в августе 1908 года. Вячеслава Иванова с Евгенией Герцык связывала не просто дружба. Он называл её по-итальянски *sorella* – сестра. Их отношения из её преклонения перед поэтом, ученицы перед учителем переросли в большое чувство любви. Читая дневники Е. Герцык, записные книжки лета 1908 года, видишь натуру страстную, любящую, удивляешься открытости её чувств, трогательности взаимоотношений между людьми, далеко не безразличных друг другу.

Имение семьи Герцык в Судак представляло собой два дома (старый и новый) с небольшим виноградником. Здесь прошло детство Евгении и Аделаиды, и именно Крым сыграл большую роль в становлении их личности, вкусов и восприятия красоты. Как рассказывала Евгения Герцык, приехавшего позже остальных В. Иванова поместили в мезонине старого дома, куда круто вела витая лестница. Прошёл почти год после смерти жены поэта. Именно к Евгении в те горькие для него дни он обратился со словами: «Теперь мне нужен только покой. Помогите мне, отстраняйте всё, что нарушает его».

Иванов раньше никогда не бывал в Крыму, но все волновало его здесь отголоском Италии, томило грустными воспоминаниями, ведь эта страна была связана с важнейшими вехами его жизни, там он впервые увидел Лидию Дмитриевну. Вячеслав Иванович всё ходит и ходит по своей комнате, по балкону, спускается вниз только «для общих трапез». Очень редко и с трудом Е. Герцык удавалось зазвать его к морю или в виноградник утром, а в горы – только на старенькой тряской линейке. Это была совершенно новая для него земля, но идти по ней у него как будто не было сил. В одиночестве он вынашивал своё новое мирозерцание. Он продолжал писать стихи, но уже понимал, что «настал век эпический».

Здесь в Судак даже в кругу самых близких людей он ведёт очень уединённый образ жизни, способствующий значительному переосмыслению как его жизни, так и творчества. Вероятно, именно в это время он много думает о судьбах поэтического символизма, ищет выход из наметившегося в нём кризиса и пытается найти его в романтизме и христианстве, что подтверждается его последующей жизнью и художественным творчеством, в частности, работой над переводами Новалиса.

Эти месяцы отъединения от литературных кругов, эта напряжённая внутренняя перестройка сделали Вячеслава Иванова болезненно-чувствительным ко всем прикосновениям извне. От всех приглашений, которые посылали ему соседи, он отмахивался. А одной молодой графине, которая, оборвав воланы, вбежала к нему наверх с требованием стихов в альбом, он пытался написать дерзкое восьмистишие. Всё чаще у него

⁵ Рафаэль Обер. Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым. – СПб.: Изд. И. Лимбаха, 1999.

⁶ Вера – дочь Лидии Дмитриевны от первого брака с К.С.Шварсаломом, впоследствии ставшая женой В.И.Иванова. Лидия – дочь В.Иванова и Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал.

возникали споры с А.Р. Минцловой по поводу теософии, мистики, оккультизма и религии. Столкновения стали происходить и во взаимоотношениях с членами семьи и друзьями Герцык. В своей книге Евгения Казимировна пишет: «У нас гостил шестнадцатилетний брат, друживший с моим братом. Как-то мы все вскарабкались на скалу с развалинами Генуэзской крепости. На верхушке её, свисая над отвесным обрывом, – Девичья башня с часовней, вернее, фрагментом закруглённой апсиды с чуть видимыми над ней следами древней росписи. Мальчики, взобравшись на стену, широко размахивая и вызывая в нас ужас, кидали камни в море. Один из камней, брошенных двоюродным братом, ударился о стену апсиды. Вячеслав Иванов, увидев это, вознегодовал и после мальчишеского с верха стены: «Ну что за беда! И ещё раз кину...» – с непривычной быстротой убежал домой. Приказ вспугнутым девочкам и всегда покорной Замятиной немедленно укладываться, послать за извозчиком. «Я не могу оставаться в доме, где поносится Богородица». Мы с сестрой избегались к нему по лесенке – заверяли, что это не нарочно; взбегали в мезонин над кухней к разволнованным мальчикам. Позже Вячеслав Иванов целовал руки моей мачехи, до слёз оскорблённой, сам в слезах. Умиление, примиренье».

Одновременно здесь разворачивалась личная духовная и жизненная драма взаимоотношений Вячеслава Иванова и Евгения Герцык. В её дневнике мы читаем: «1 октября 1908 г. Ясно мне вот что: есть между нами духовное влечение, нужда друг в друге... Недостаёт в любви этой того, что заставило бы его сказать мне: ты мне жизнь! Страстная душа его никогда не обратится ко мне... Можно ли жить, зная это? Довольствоваться малым?...

3 октября. Я не живу собой, я живу, прикинувшись словно к магическому кристаллу, в гранях которого – всё. Простится ли мне это? Когда я всего его узнаю – я обнесу золотой оградой и вдовицей в тёмных одеждах уйду дальше, жить одноструйной, но вольной своей жизнью...

9 октября. Днём он пришёл и сказал: «Я не понимаю, что вам нужно. Вы любите человека, который вам отвечает...» И ещё такое говорил... Я не хочу ему лишнего, не хочу ему себя...»

И в середине октября поэт покидает Крым.

Так, приняв решение не связывать поэта и дав обет безбрачия, Евгения Герцык как бы возвращала Вячеслава Иванова творчеству. В середине октября поэт покидает Крым.

Поздней осенью этого же года Е. Герцык по просьбе В. Иванова едет в Петербург на «башню» разбирать рукописи Лидии Дмитриевны. Но здесь она увидела Иванова не таким, каким знала его прежде. Сейчас это был другой человек почти не выпускавший из рук зачитанную черную книжку. Это было Евангелие. Герцык пишет: «В этот год сложились религиозные верования Вячеслава Иванова. И навсегда. В его христианстве не было ничего конфессионального – оно было его, из глубины его опыта рождённое, и как бы он не определял себя впоследствии... только это простое зерно вправду срошено было с его духом. Он не раз со свойственным ему глубокомыслием излагал в статьях свои религиозные идеи». Именно в эту зиму он стал весьма деятельным участником религиозно-философского общества, где вместе с Мережковскими и группой священников образовал «христианскую секцию», куда вошли те, для кого Евангелие было уже бесспорной истиной. Вячеслав Иванов пишет ряд новых, очень глубоких и серьёзных статей, исток которых Евгения Герцык находит в крымском периоде его жизни.

После расставания Евгения Герцык ещё не раз будет встречаться с Вячеславом Ивановым – в Москве, в Риме – тем самым сохраняя тонкую ниточку его связи с Крымом.

Источники и литература

1. Вячеслав Иванов. Собрание сочинений, т. I-IV. - Брюссель, 1987.
2. Вячеслав Иванов. Стихотворения и поэмы. - Ленинград: Изд. Академии Наук СССР, 1978.
3. Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994.
4. Евгения Герцык. Портреты философов// Наше наследие. – II (8). - 1989.
5. Евгения Герцык. Воспоминания. – М.: Московский рабочий, 1996.
6. Рафаэль Обер, Урс Гфеллер. Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым. – СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1999.
7. Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение. Материалы научной конференции в г. Судаке 18-20 сентября 1996 года. – М.: Изд. Дома-музея Марины Цветаевой, 1978.
8. Судак / Ред. С.Б. Филимонова. – С.: ЧерноморПРЕСС, 2002.

⁷ Имеется в виду Евгения Антоновна Лубны-Герцык.

⁸ Непосредственно после возвращения из Крыма им были написаны статьи «О русской идее», «О поэзии Иннокентия Анненского», «Заветы символизма», «Религиозное дело Владимира Соловьёва», «Мысли о символизме», «О границах искусства» и другие, вошедшие в книги «Борозды и межи» и «По звёздам».